

Виктор Балдоржиев

Дикий абрикос

18+

Виктор Балдоржиев

Дикий абрикос.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34742142

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-1809-6

Аннотация

На территории бывшей Нерчинской каторги живут особенные люди. Гегемонов здесь нет. Рассказы о них. Гегемон, конечно, обильно населят города и посёлки России. На каторге его нет и не может быть. Какой из каторжника гегемон? Это смешно, братцы. Даже представить его здесь трудно! В любое время тут одна задача – выжить. И характеры совершенно другие. Диарея случается редко, стул твёрдый, иначе помрёшь в морозной степи или тайге.

Содержание

Дикий абрикос	4
Гохуа	9
Кони Гефеста	14
Китаец	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Дикий абрикос

Рассказы

Коля и Люба

Нормальный человек так не может кричать. Это какие-то невероятные и жуткие звуки, в которых хрипят и шипят гласные и согласные. Мир наполняется эти ужасными звуками, которые обрываются так, что даже не верится, что наступила тишина.

– А где мы можем жить? Всю жизнь в совхозе работали. Он так с быками и коровами обращался, что все ветеринары ему завидовали, – тихо говорит Люба о том, кто только что так ужасно кричал. – Надо привыкнуть. Он тоже привыкнет, слушаться будет. Коля, замолчи, не надо кричать. Понимает он, видите?

Коля, порывавшийся снова закричать, действительно успокаивается.

В голосе Любы умиротворённость. Она довольна. «А до этого? – боюсь спросить я. – Каким он был до этого?»

Я думал, что он так будет кричать без конца. Как лечиться остальным?

Врачи напугали меня и родных: в любой момент может случиться инфаркт. Положительные эмоции испытываете?

Откуда они у нас могут быть? Среда не знает воскресений, всё время в агрессии и напряжении. Врачи послушали, покачали недоверчиво головами в белых колпаках и определили в узенькую, как пенал, палату на четыре койки.

Так я познакомился с Любой и Колей. И Кешей, который лежит на кровати возле двери. Баню он строил, хотя недавно приехал после операции на сердце. А тут опять жена повздорила с ним. Итог – второй инсульт. Кеша говорит, что он закончит стройку. Даже жена его думает так. Она часто бывает в больнице, и долго шушукается с Кешей у окна коридора.

А Люба медленно катит мимо них Колю на коляске, тот разглядывает самодельные плакатики, которыми увешана вся стена. Коля ещё может высоко и криво вскидывать голову. И снова заходится в жутком крике.

Они – муж и жена. Им по пятьдесят. Не старые ещё. От совхоза остались фундаменты домов, гаражей, ферм, какие-то ржавые железки. И воспоминания. Настоящая жизнь Любы и Коли была и осталась там...

Говорю им, что посмотреть на развалины бывших колхозов и совхозов когда-нибудь поедут иностранные туристы. Но Любе и Коле безразлично. Они уже свыклись со своей бедой. Люба говорит, что через неделю ей надо везти Колю в город, на ВТЭК. Оказывается, инвалидность надо удостоверить каждый год. Врачи должны посмотреть на её парализованного Колю и убедиться, что он по-прежнему «овощ»,

которому нужен уход. Как и на что она повезёт его на комиссию?

– Где они набрали и откуда притащили эти мерзавчики? Ну, бутылочки такие. Пили их, пили, – рассказывает о случившейся беде Люба. – Откроют мерзавчик, смешают с водой и пьют. Злыми от него делаются, ужас! Потом, как и всегда, разодрались. Я же их и унимала, разгоняла по домам. А Коля вечером снова потащился в эту «кафешку», ну дом такой, заброшенный. Там все наши ханыги собираются... Я и забыла про него. А утром – завыли его родственники: убили Колю. Прибегаем, лежит. Раскоряченный среди окурков и бутылочек этих. Потом врач сказала, что его душили да не задушили, какие-то нервы повредили. Уже третий год так живём. Пенсию хоть дали. Легче стало...

У меня начинает стучать в висках. Пенсию им дали. Всюду эта пенсия, эти пять, семь десять тысяч рублей. У кого больше, у кого меньше. Люди жизни свои отдали, а теперь недовольны, как будто что-то ещё недодали.

– Пенсия это хорошо! – говорит из своего угла рассудительный Кеша. – Раньше получил. А по закону ещё бы лет десять ждал.

– Тогда, наверное, и пенсий-то не будет! – восклицает Люба.

Раньше им назначили пенсию. Повезло что ли?

Люба, наверное, первой красавицей была в молодости. Стройная, рослая. Рыжая коса без седины. И Коля, конечно, был видным мужчиной. Фактурность в нём и сейчас проглядывает. Кучерявый, смуглый, черноволосый, Люба говорит, что он ещё и гармонист. Первый парень на деревне. Порой он слабо шевелит длинными и худыми пальцами. «С быками управлялся...» Иногда взгляд его осмысленный. Повернёт голову на человека и «читает» его. И тогда в нём что-то булькает. Люба хорошо понимает его «речь». Они как бы беседуют между собой.

Дети их давно живут далеко от родной деревни. Но одна дочь дома. Никак не уезжает. Не пьёт, потому на ней вся семья.

– Туалета же у нас дома нет, а он только под себя может. Кроме того, его надо одеть, обуть, обтереть. И не один раз. – Как о чём-то будничном говорит Люба. – Сейчас он совсем лёгкий. Поднять и перевернуть его милое дело.

Мы с Кешей становимся свидетелями того, как Люба делает это «милое дело». Почти три года она ухаживает за Колей. Многих жён стоит эта Люба!

– Правая нога у Кольки ещё шевелится. Вот-вот, снова характер показывает. Не лягайся, чёрт! – смеётся Люба, радуя Кешу и меня.

Она умело и быстро одевает на мужа рубашку, но тот, пробует пнуть жену, при этом мычит и гневно показывает ещё

живым глазом на Кешу и меня. «Ревнует!» – догадываюсь я, выходя в коридор.

И снова слышу страшные крики бедного Коли.

– Раньше он притащится домой пьяным, орёт на всех и бегаёт с ножом. Да не убил бы он никогда, хотя кто знает пьяного. Добрый он, мухи за всю жизнь не обидел... Может быть лучше так-то. Ведь сейчас и пенсию получаем, а раньше денег вообще не было. – Обречённо и тихо шепчет в палате вечером Люба, бережно покачивая толстый матрац задремавшего Коли. – Вот подняла я его, развернула, обтерла и спать уложила... Лучше может быть так, а?

Душа моя сжимается и содрогается. Отворачиваюсь к стене, чтобы никто, особенно Люба, не видел моих слёз.

У кого и какие тут могут быть слова? Эх, страна...

Гохуа

– Представляешь, покойник меня обнял и спрашивает: «Когда?»

Ни о чём не говорит, ни к чему не обязывает. Это возможный разговор 1989 года в мастерских, где, на самом деле, должен быть один художник, но обитает всегда много артистов. Отсюда и стиль.

В том году Юра заговорил о гохуа. Наши краски, наши цвета, наши картины. Всё что относится к разным краскам нашей земли. Так объясняет. И пытается одним движением, не отрывая кисть от бумаги, изобразить это самое гохуа. День пытается, два пытается, вот и третьи сутки пытается. Всё потому что границы открылись. И Китай хлынул к нам. А великий Ге Ша, отправившийся из Пекина в Мангышлак, вернулся в нашу мастерскую.

До этого мы о гохуа и слыхом не слыхивали. Ленина на линолеуме вырезали, гуашью мазали, маслом писали. До Ильича заказывали «четверик», то есть Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, потом одного замазали, пошли заказы на «тройку» – Маркса, Энгельса, Ленина, а в последние годы, перед открытием границы, автоматически размножали только Ильича. Пережил.

В перерывах между деньгами, то есть заказами и пьянками, каждый выводил что-то своё. Но после «четвериков», «троек» и ильичей очень трудно оживить воображение и что-нибудь выдать. Как сказал Юра, это как жопа, затянутая паутиной. Видимо, так намекает на творческий застой, хотя ему намного легче, чем другим. Он – график, человек, владеющий острейшим ножом, которым вырезает всё, что необходимо, на линолеуме, а нужные заказы нарезал давным-давно и уже успел забыть о них.

Руки его, по мере необходимости, могут превращаться в перья для туши, карандаши, кисти, флейцы.

– Вот, – потряс он однажды жилистыми руками, отмерив их по локоть, – до этих пор золотые, а дальше – платина.

Но вдруг всё эти фигуры завертелись и исчезли в какой-то вихрящейся красной мгле, как в турбине. Куда их выбросило, неизвестно.

Но мы же остались. А Юра даже не заметил этих перемен. Он теперь занимался акварелью. Вот уже три дня вода привлекает его больше водки! Потому что гохуа это – вода и краски, не акварель, гохуа – это непрерывное движение воды и краски!

Мастерские занимают в многоэтажках верхние этажи или подвалы, а также нежилые строения в переулках и дворах. В одних и тех же мастерских можно принимать делегации иностранцев, а иногда – ставить пьесу «На дне».

Живописец, актёр, поэт, изгнанный из дома за неверность или спившийся начальник, подозрительная бездомная личность, директор чего-то, которому грозит тюремный срок за растрату – это неполная категория обитателей мастерских. Здесь происходят встречи невероятных и неправдоподобных судеб. У каждой свой случай и своя история.

Но весь устоявшийся порядок нарушило неожиданное явление гохуа.

Было так. Бежит начальница культуры, не хрен собачий. Вбегает со своими причиндалами в мастерскую Юры. Заказ на «тройку» или Ильича? Нет, начальница рисует совсем другую картину:

– Иностранец со свитой! Желает видеть все русские знаменитости, особенно художников и поэтов. Пьянь и дрянь вон отсюдова, кроме, кроме, – мазнув взглядом по присутствующим, ткнула пальцем в меня, – На месте. Поэзий развлечёшь.

Бутылки, куски хлеба, полные банки окурков и пепельниц, хвосты селедок – всё в мешок и на антресоли. Дежурный коврик на пол, на стол – белейший матовый ватман. Юра не воспринимает всё ослепляющее и глянцевое. На ватман водружается ваза, из которой много лет торчат высохший репейник и какие-то злаковые.

Толпа выметнулась по приказу начальницы и сразу вернулась.

Лица ополоснули, бороды причесали. Ободрились. Ждём-с...

Делегация нагрянула, как стая изысканных и говорливых птиц. Одни китайцы. Но Ге Ша оказался евреем. В Мангышлак едет. По пути заезжает ко всем знаменитым русским художникам, которые в дальнейшем могут стать его рекомендациями в России, как и он сам – рекомендацией для них в Китае.

Грянули залпы, полетели пробки шампанских, зашипело в бокалах, забулькало в стаканах. Мастерскую озарили вспышки фотоаппаратов. Немедленно вспыхнула гулянка!

И в этой вакханалии Ге Ша показал Юре стиль гохуа. Он изящно взял рукой кисть и, обмакнув её в акварельные краски, одним движением вывел на матовом ватмане летящую в белом пространстве белку.

Так было сломано равномерное течение нашей жизни. Вопрос, который прозвучал в начале рассказа, отпал сам по себе...

Через несколько месяцев в мастерскую поднялся почтальон и торжественно вручил Юрию Анатольевичу бандероль. Там были номера цветных китайских журналов, на одном из разворотов – мы и мастерская Юры.

Теперь он время от времени отрывается от своего гохуа, тычет в иероглифы и объясняет:

– Это про нас. Тут всё про нас. Это китайцы так пишут...
В общем, гохуа.

Кони Гефеста

1990 год. Зима. Город на Восточной окраине России. От угла дома на пересечении улиц Ленина и Островского до невзрачного магазина из белого кирпича получилась утоптанная по снегу диагональ, пролегающая через площадь Декабристов с выходом на угол улиц Чкалова и Полины Осипенко. По диагонали люди ходили за водкой.

По обе стороны этой тропинки первые бомжи перестройки собирали «бычки» самокруток, сигарет «Прима», «Астра». Но в магазинах порой и этого не было. Пакеты ещё не валялись, бутылок тоже не наблюдалось, сами сдавали. Свадок тоже не припоминаю...

– Ты понимаешь, я Гефест, – объяснял мне по пути Юрий Анатольевич, затягиваясь самокруткой из крепчайшей махорки. – А Гефест – это урод. Вот послушай...

Мы остановились и разговорились, удивляя прохожих, тоже любителей этой диагонали. Дыша на меня табаком, внимательно смотря в глаза, Круглов стал рассказывать историю жизни уроды Гефеста.

– Мы с ним люди одной судьбы, – убеждённо говорил мой друг. – Родился он тщедушным, хромым, щупленьким. В общем, не жилец... Как и я...

Началась эта история ночью.

Никогда не знаешь на что или кого наткнёшься, собираясь в гости к художнику. Часа в два ночи я набросал стихотворение. Это были впечатления: опять же Круглов, пейзаж – река, ивняки, отмель и лодка...

Еще немного! Первый лучик робко

Забрезжит сквозь извивы ивняков.

На отмели ссутуленная лодка

Все ждет меня из глухих городов...

Меня мучило, что цвета пейзажа напоминали стиль Яна Ивановича Шплатова: что-то матовое, приглушённое, с едва заметным коричневым оттенком. Строки надо было показать Круглову. Сейчас ему, наверное, очень одиноко...

За окном общаги была густая темень, где-то далеко не то стреляли, не то били железом об железо, что-то ухало и бухало, кричали люди. Город жил страшной жизнью голодных и злых зомби, повсюду стояли железные киоски с решетками и массивными дверями. Квартиры становились точками бандитов и бастионами напуганных горожан. В это время неплохо зарабатывали сварщики: нужны были тысячи дверей и решеток. По ночам часто стреляли, слышались пьяные крики и мольбы о помощи. Казалось, что сосед душит соседа, а в каждом переулке можно наткнуться на нож или убитого человека.

Но, независимо от этой страшной обстановки голода, холода и разгула бандитизма, через весь город пролегал незри-

мый путь от моей общаги на улице Шилова до мастерской Круглова, окна которой светили, как маяк в ночи, на девятом этаже дома на углу улиц Островского и Ленина. Похмельно, красно, но светили.

Мы ходили напрямую, срезая все возможные углы. В тот раз я отправился Круглову в третьем часу ночи. Путь был неблизкий, ходьба по ночному городу было делом привычным, к тому же согревало чувство, что среди этого жуткого разгула озверевших уродов, в любое время дня и ночи ждёт меня близкий человек, который вникнет в строки, написанные в каком-то полубреду. Да и вся жизнь в те годы проходила как в полубреду...

К четырём часам ночи я дошел до мастерской. По пути наткнулся на толпу пьяных, еле-еле отбился от них, перемахнул через забор и слышал за спиной крики: «Лови нерусского!» Для таких случаев я всегда носил подаренную мне офицерами-афганцами гранату без чеки, иногда цепь или кастет. (Кстати, чтобы потом не повторяться: в те годы, Круглов носил за голенищем унта преострейший сапожный нож, которым он резал линолеум для гравюр и бумагу).

Юрий Анатольевич не спал. Он раздумывал перед натянутым холстом, на котором были изображены убегающие по каким-то ступеням (*внутри Парфенона? здание в Афинах?*) кони. За ними полз, протягивая руки, старый грек в красном хитоне, из-под которого выбегал кривой и крова-

вый, в алых пятнах, след. Круглов курил самокрутку, то отходил от работы, то снова приближался. И, наклоня голову, рассматривал и размышлял о чём-то очень важном, будто силился вспомнить что-то произошедшее с ним давным-давно и забытое до поры до времени.

– Кони Гефеста, – коротко ответил на мой недоуменный взгляд Юрий Анатольевич. – Чай будешь?

У нас никогда и ничего не происходило просто так. Любая пьянка – проверка мастерства. В те годы наш друг Володя Литвинов замечал: «Я как новая машина. Проверяю себя на всех скоростях и во всех режимах». Так вот, мы похлебали чай, я прочитал Юрию Анатольевичу стихотворение, он всплеснул руками и горячо заговорил об искусстве, бросив в паузе:

– Ты прав, тут Шплатовым припахивает... Это его стиль. Кстати, единственный и неповторимый...

Спали мы от силы часа три-четыре. Утром вспомнили, что надо отмечать событие: стихотворение и коней Гефеста. И вот теперь идём «в девятку» за водкой, стоим на протоптанной диагонали, ведущей в магазин, и Круглов продолжает речь, начатую еще перед рассветом:

– В общем, не жилец был Гефест. Как и я. Близкие даже не думали, что я выживу. Они всё время куда-то переезжали вдоль Шилки. Рассказывали, что возили меня в сундуке. И мать у меня была такая же, как и у Гефеста.

— Гера что ли? — недоумённо переспрашиваю я.

Прохожие на нас удивлённо оглядываются и перешёптываются: «Художник с поэтом. Пьяницы... За водкой поперли. Да ещё в шинели».

— Ага, — кивает согласно Круглов. — Как могла эта Гера разглядеть, что из этого уродца получится Мастер? Пойми: любой земной огонь имеет небесное происхождение, но прячется он в недрах вулканов. Так и талант человека. Как могла Гера догадаться об этом? Она ужаснулась своего сына и сбросила его со своего сраного Олимпа. Также поступили и со мной. Примерно такова же и твоя судьба, и судьба многих художников... Простые люди всегда будут ужасаться непредсказуемости.

Он затянулся самокруткой и, выпустив дым, закашлял, намереваясь сказать что-то важное. Поправил на ходу воротник шинели, полы которого волочились за ним по тропинке, как королевская мантия.

Я оглянулся и заметил, что прохожих становится больше. Все они удивлённо, а некоторые откровенно весело, смотрели на нас. Оказывается, люди интересовались не беседами об искусстве, а шинелью Юрия Анатольевича.

На нём была настоящая генеральская шинель. Шинель высокого и осанистого генерала Л-ского. А Круглов был шупленький, невысокого роста. В спешке он набросил на себя шинель генерала, который мирно храпел в маленькой

комнате мастерской.

Генерал Л-ский пьянствовал с нами уже неделю. Что-то случилось в его генеральстве, он запил, закуролесил. По пьянке, случайно, попал в нашу среду, где все дни были воскресеньями. Это ему так понравилось и настолько поразило, что он многократно увеличил дозу спиртного. Вследствие чего и спал в мастерской Круглова беспробудным сном, спал так, что даже мы начинали побаиваться.

Водку в те годы продавали по талонам. Но что значит для художника талоны? Всегда нарисует. И вот мы спешим по диагонали в магазин, но дойти нам мешает Гефест, который всё время напоминает Круглову о судьбе многих художников. И о его личной судьбе.

Видимо, ночью генерал улёгся спать, Круглов вытащил давно начатую работу. Ночной свет ему не мешал. Однажды он сказал мне: «Надо работать без естественного света, так лучше править при естественном...» В это же время я написал стихотворение и отправился через весь город в мастерскую Круглова, где спал генерал и висела его длинная шинель.

– Ты же знаешь, что Гефест – самый первый изобретатель, – не оставляет тему Круглов по дороге в магазин, продолжая подметать снег полами генеральской шинели. – Всегда помни, что за уродством может скрываться гений и светлый ум добрейшего человека...

Из провала поднятого воротника шинели выглядывает

рыжая бородка Круглова и оттуда валит махорочный дым.
Слышно:

– Когда мать сбросила Гефеста в море...

Китаец

– Китаец это зверь! Он всё кушает!

Сказав это, Денис делает большие глаза и задорно смеётся. Он большеглазый и толстогубый, весёлый и толстый китаец. Неплохо говорит на русском языке. В первый раз вижу такого.

– Почему ты Денис?

– Меня как большого китайского начальника зовут – Ден Сяо. А русские милиционеры сказали – Денис.

– Ты знаешь русских милиционеров?

– Их все китайцы знают. Русский милиционер лучше всех говорит китайское слово хучао! Как только увидит китайца, он сразу кричит – хучао!

– Что это?

– Ты не знаешь? Ты много-много китайских слов знаешь, а хучао не знаешь. Хучао – паспорт! Русскому милиционеру всегда нужен китайский паспорт.

– Зачем русскому милиционеру китайский паспорт?

– Ты что, дурак? Русский милиционер без китайского паспорта – бедный, бедный!

– Почему, Денис?

– Ну, ты совсем дурак! Китаец вместо паспорта даёт русскому милиционеру деньги.

Денис находится у меня третий день. Он, как бы, заложник. И даже знает, что он, как бы, заложник. Денис понимает это и ненавязчиво сочувствует мне, пытается как-то помочь: соблюдает этикет невольного невольника, не уходит далеко. Терпеливо ждёт своей участи, как и положено заложнику.

Мы живём с ним в маленькой закуской на федеральной трассе, уходящей прямо на МАПП – многосторонний автомобильный пункт перехода, который впускает в Китай. Оказывается, так просто переводится слово, а раньше я придавал ему слишком большой вес – международный автомобильный пограничный переход. Правильно читать научил меня Денис. Он уже пятнадцать лет шастает из Китая в Россию и обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.